

Рассмотренные выше факторы неплохо объясняют ситуацию *post factum*. Однако использовать их в прогнозных целях, к сожалению, очень трудно.

Связь между представлениями о благополучии (материальными притязаниями) и уровнем доходов, как и всякий социальный стабилизатор, действует лишь в определенных пределах. Логично предположить, что при падении доходов ниже некоторого уровня эластичность притязаний по доходу ослабевает или исчезает совсем. Между тем заранее определить этот критический уровень доходов для нынешних российских условий практически невозможно.

Столь же сложно ответить на вопрос об устойчивости нынешнего уровня доверия правительству. Переменчивость общественных симпатий — явление очень хорошо известное. Однако кое-что сказать по этому поводу все же можно. Из просматриваемых сегодня угроз, способных подорвать доверие правительству, наибольшую опасность представляет, пожалуй, возможность вспышки гиперинфляции. Речь идет именно о гиперинфляции, а не о более или менее быстром росте цен. Последний в течение, по крайней мере, нескольких месяцев, может быть "компенсирован" хотя бы частичным разрешением проблемы задержки пенсий и зарплат. После продолжительного отсутствия денег россияне, по-видимому, какое-то время будут отдавать предпочтение фактически уменьшающейся, но регулярно поступающей зарплате, а не той, которая относительно больше, но не выплачивается.

Регина ГРОМОВА

К типологии политического сознания россиян

При анализе политических предпочтений населения России могут применяться самые разные способы их оценки. Например, можно регулярно измерять рейтинги различных политических деятелей, и на основании их динамики говорить об изменении тенденций в ту или иную сторону. Это довольно простой и достаточно надежный способ, если соблюдать необходимую осторожность при интерпретации результатов. Однако возможности эффективного применения таких методов в конечном счете очень ограничены: они работают при составлении краткосрочных прогнозов электорального поведения, могут использоваться для получения косвенных индикаторов реакции населения на какие-то события, но они не позволяют увидеть того, что стоит за заявленными предпочтениями, — того конкретного содержания, которым определяется выбор.

В принципе такой содержательный анализ, позволяющий увидеть ситуацию глазами респондента и понять мотивацию его ответов, нужен далеко не всегда. Он становится необходим в тех случаях, когда речь идет о более или менее долгосрочных прогнозах, о динамике ожиданий различных групп населения, об оценках их политической активности и возможных способах влияния на нее. Направленность такого анализа, очевидно, должна зависеть от конкретных исследовательских задач. Он может быть сосредоточен как на поиске частных взаимосвязей (например, влияние дохода или образования на политические предпочтения), позволяющих сегментировать электорат, так и на выстраивании более общей картины, включающей многие факторы, влияющие на политические ожидания и поведение различных социальных групп. Можно также подойти к решению этой проблемы с несколько иной стороны и попробовать "увидеть" тот образ общества и власти, который существует в социальном сознании, описать ту политическую реальность или, скорее,

реальности, в которые погружены различные группы российского населения и которые в большей или меньшей степени формируют среду их деятельности.

Цель данной статьи — выделить и описать некоторые типы политического сознания, представленные в российском обществе. Под "типом сознания" в данном случае понимаются воспроизводящиеся структуры сознания, с помощью которых воспринимается и "объясняется" реальность. Тип сознания определяет ту "рамку", в которую укладывается восприятие происходящих событий и исходя из которой эти события оцениваются. Поскольку здесь речь пойдет о типах политического сознания, то рассматриваться будут главным образом комплексы представлений, относящихся к этой сфере.

С методологической точки зрения выделение типов политического сознания представляет собой довольно сложную задачу. Понятно, что между различными типами нет четких границ и что количество различаемых типов может колебаться в зависимости от того, какие критерии применяются для их различения. В качестве таких критериев могут выступать: активность позиции человека по отношению к общественным проблемам и ситуациям (проявляющаяся не обязательно в конкретных действиях, но скорее в ощущении или не ощущении себя субъектом действия); логическая непротиворечивость соответствующих представлений; способ аргументации своей позиции; степень интереса к вопросам, касающимся политической сферы и т.д.

Используя подобные критерии, можно выделить по крайней мере три аналитически сконструированных типа политического сознания:

"рациональное сознание". Этот тип характеризуется стремлением к логическому выстраиванию причинно-следственных связей, относительной непротиворечивостью артикулированной позиции, осознанием своих интересов и интересов других коллективных агентов и склонностью объяснять происходящие процессы рациональными причинами (например, интересами в первую очередь экономическими, различных групп, закономерностями развития общества и экономики). При этом не принимается во внимание то, насколько эти закономерности, интересы и логические конструкции "правильны" с точки зрения исследователя. Вероятно, к этому типу могут быть отнесены люди различных политических ориентации, если можно предполагать, что их взгляды будут смещены в сторону ориентации "рациональных", например либеральных или консервативных. Этот тип сознания предполагает взаимодействие многих социальных агентов (одним из которых выступает сам человек), обладающих различными потенциалами, действия, права и обязанности каждого из которых доступны пониманию;

"мифологическое сознание" (можно было бы назвать этот тип и "фантастическим" сознанием, чтобы избежать терминологической путаницы, но тогда несколько расплывется смысл). Миф в разных социальных науках определяется по-разному. В данном случае нас интересует прежде всего его гносеологический аспект: миф как объясняющая структура. Но в отличие от других "рамок", присущих самой повседневности, мифологические структуры объясняют повседневность, апеллируя к чему-то "надповседневному", к "конечным причинам". С этой точки зрения миф, во-первых, не нуждается в особенной логичности и доказательности рассуждений (он аксиома, как и любая конечная причина); во-вторых, миф — это потенциальная возможность выхода за рамки повседневности, и в случае его актуализации структуры повседневности уходят на задний план. Мифологическое сознание характеризуется наличием готовых и абсолютных объяснений ситуаций, фатализмом и восприятием себя и других не как самостоятельных агентов, а как участников запрограммированного действия. Моти-

вазии связываются в первую очередь не с экономическими или политическими интересами участников ситуации, а с их аскриптивными характеристиками. Политические предпочтения представителей этого типа сознания скорее всего зависят от того, насколько определенные политические лидеры, партии или движения вписываются ими в различные мифологические "сюжеты";

"аполитичное сознание". Можно предполагать, что такое сознание характерно для значительной части российского населения. Обладающие таким сознанием люди "затрудняются ответить" на большинство вопросов, касающихся политической ситуации, выборов, политических предпочтений. Для них вся эта область неактуальна и неинтересна. Этот тип сознания исключает активное отношение к политическим институтам. Аполитичное сознание может быть аутичным (замкнутость на себе, семье и т.д.), оно может выражать разочарованность в политических институтах или просто в жизни либо выражать рационально-эгоистическую позицию человека, который рассчитывает прежде всего на себя.

При рассмотрении трех названных типов политического сознания сразу можно предположить, что едва ли удастся эмпирически выделить "чистых" носителей каждого типа. Кроме того, поскольку эти типы представляют собой некоторые крайние точки, они в совокупности могут и не образовывать полную систему, охватывающую все общество. Но если относиться к предложенным вариантам как к неким идеальным типам, то все население можно условно распределить на три группы, каждая из которых будет представлять более или менее размытое "облако", образующееся вокруг центра—"ядра", совпадающего с идеальным типом.

Для дальнейшего анализа нами использованы данные специального массового опроса, посвященного отношению россиян к власти, проводившегося ВЦИОМ в январе 1998 г.* Выборка репрезентативная для взрослого (старше 16 лет) населения России, объем выборки — 1500 респондентов.

Алгоритм эмпирической идентификации типов политического сознания. Для идентификации типов политического сознания был разработан двухшаговый алгоритм, в котором как индикаторы использовались качественные высказывания респондентов, относящиеся к различным аспектам типа политического сознания (в первую очередь, характер логики и осознание своей роли по отношению к обществу, государству и институтам власти). Набор использованных высказываний был достаточно широк, порядка 10—12 для каждого типа сознания. Наряду с ответами на вопросы, относящиеся непосредственно к респонденту (например: "В какой степени Вас интересует политика?" или "Как часто Вы участвуете в политических собраниях, митингах?"), использовались и высказывания более общего характера: об участии "простых людей" в политической жизни, о людях, стоящих у власти или пользующихся влиянием в обществе, о природе власти (в частности, в России) и т.п. Наибольшие трудности возникли при подборе высказываний для описания "мифологического" типа сознания, поскольку формулировки анкеты были изначально ориентированы на рациональные высказывания. Но выход был найден в том, чтобы использовать логические комбинации нескольких высказываний.

На первом шаге три типа политического сознания были выделены независимо друг от друга. Каждому высказыванию (или сочетанию высказываний) приписывалось некоторое число баллов, и если сумма баллов превышала определенный уровень (более половины от максимально возможного), то респондент, набравший это число баллов, становится носителем соответствующего типа сознания. По-

скольку на этом этапе типы выделялись независимо друг от друга, сумма долей трех типов составляла более 100%.

Для идентификации носителей аполитичного сознания использовался прямой вопрос о степени интереса респондента к политике, а также серия вопросов, описывающая конкретные формы политической активности человека. Носителями аполитичного сознания считались респонденты, у которых заявленный низкий интерес к политическим проблемам (или полное отсутствие такого интереса) сочетался с неучастием в большинстве видов политической активности, доступной населению.

Для идентификации носителей рационального и мифологического сознания использовались более сложные логические условия. Во-первых, рассматривались несколько вопросов, характеризующих восприятие различных типов государственного устройства. Респонденты, в ответах которых прослеживалась единая логика (например, аргументированное предпочтение демократического устройства общества), получали "баллы" как носители рационального сознания, а респонденты, ответы которых были противоречивы и непоследовательны — как носители мифологического сознания. Кроме того, как к носителям рационального сознания с большей вероятностью относились респонденты, продемонстрировавшие более или менее высокую информированность о политической жизни страны (могли назвать несколько влиятельных политических деятелей, ориентировались в списке партий и политических движений), а к носителям мифологического сознания с большей вероятностью относились те, кто уходил от ответов на конкретные вопросы, затруднялся отвечать на вопросы, ответы на которые предполагали аргументацию позиции, и чьи ответы на вопросы оценочного характера (плохой или хороший строй, та или иная роль политиков или роль "простых людей" в обществе) имели тенденцию быть "экстремальными".

После того как полученные типы были проверены на ряде дополнительных признаков и выяснилось, что принадлежность к каждому типу дает значимые отличия в распределении ответов на большинство вопросов, касающихся политики, на втором шаге была предпринята попытка сведения всех типов политического сознания в единую шкалу с помощью методов многомерного шкалирования. В качестве входящих переменных использовались независимо выделенные на первом этапе типы. В итоге было получено следующее распределение:

Сознание	%
Рациональное	25
Мифологическое	55
Аполитичное	20

При этом лишь от 1/4 до 1/3 каждой группы можно рассматривать как "ядро" (та часть, которая относится только к одному типу по классификации первого этапа). Например, мифологическое сознание (как оно представлено в данном распределении) несет в себе некоторые черты аполитичности, а аполитичное сознание иногда демонстрирует и рационализм, и мифологические элементы. Такая ситуация вполне вписывается в концепцию "ядра", приближающегося к идеальному типу, и периферии, более или менее отклоняющейся от него. Но в дальнейшем мы будем в основном рассматривать характеристики и поведение каждой из трех групп как единого целого, не разделяя ее на ядро и периферию.

Приведенное здесь распределение может рассматриваться только как приблизительная оценка распространенности различных типов политического сознания в современном российском обществе.

Социально-демографические и статусные характеристики трех групп. Для того чтобы составить социальные портреты трех получившихся групп, рассмотрим сначала их социально-демографические характеристики.

* Исследование проводилось по заказу Московской школы политических исследований. Основные результаты опубликованы: Вестник МШПИ. 1998. № 10.

**Социально-демографические и статусные характеристики носителей различных типов политического сознания
(в % к численности каждой группы*)**

Характеристики	Сознание			В среднем
	рациональное	мифологическое	аполитичное	
<i>Пол:</i>				
мужской	47	48	37	46
женский	53	52	63	54
<i>Возраст:</i>				
16—35 лет	30	36	38	35
36—55 лет	39	35	30	35
старше 55 лет	31	29	32	30
<i>Образование:</i>				
ниже среднего	38	32	52	38
среднее, среднее специальное	47	51	41	48
высшее, ученая степень	15	17	7	14
<i>Социально-профессиональный статус:</i>				
руководители	15	7	4	7
специалисты	16	16	9	15
служащие	19	23	25	22
квалифицированные рабочие	36	33	38	35
неквалифицированные рабочие	5	10	21	11
фермеры, крестьяне	1	3	1	2
<i>Социальный слой*:</i>				
верхний	7	8	2	7
верхний средний	20	20	14	19
средний	35	40	42	39
нижний	38	32	42	35
<i>Доходы:</i>				
выше среднего	7	3	2	4
средние	39	37	33	37
ниже среднего	52	58	64	58

* Поскольку какая-то доля респондентов затрудняется ответить на каждый вопрос, суммарная доля ответивших не везде составляет 100%.

** В данном случае принадлежность к социальному слою представляет собой построенный агрегированный показатель, в который входят: характер и область занятости; уровень образования; уровень материального благосостояния; социально-профессиональный статус; наличие своего дела; самооценки своего положения. Этот показатель качественно отличается от тех социальных слоев, которые ранее использовались в работах: *Заславская Т.И.* Социальная структура современного российского общества // *Заславская Т.И.* Российское общество на социальном изломе: Взгляд изнутри. М., 1997; *Громова Р.Г.* Положение в обществе и принадлежность к социальному слою: Факторы самоидентификации // *Экономические и социальные перемены в России: Мониторинг общественного мнения. 1997. № 3.* и др. Распределения, которые получаются по этому показателю и по использовавшемуся ранее, несравнимы.

Поскольку естественно было бы предположить, что тип политического сознания зависит от возраста человека и от уровня его образования, от места жительства и характера занятий, необходимо выяснить, какие из этих характеристик влияют на политическое сознание в наибольшей степени и не являются ли построенные нами группы просто выражением различий по социально-демографическим или статусным признакам.

В табл. 1 приведены некоторые данные о социально-демографических и статусных характеристиках респондентов, принадлежащих к разным группам. Сразу можно заметить, что носители аполитичного сознания сильно отклоняются от средних значений по массиву и что их социальный портрет здесь очерчен ярче всего: это самая "женская" группа (женщины в ней составляют почти 2/3), здесь относительно велики доли "крайних" возрастных групп (в частности, наиболее высока доля пожилых людей старше 65 лет: они составляют более 20% группы при среднем значении по массиву в 14%). С возрастной структурой связана и образовательная: в группе с аполитичным сознанием наиболее низкая доля имеющих высшее (включая незаконченное высшее) образование — всего 7%, что примерно в 2 раза ниже среднего значения по массиву. Структура социально-профессионального статуса носителей аполитичного сознания также достаточно выразительна. Среди них практически отсутствуют руководители (менее 1%), и менее 4% являются служащими, вы-

полняющими руководящие функции. Относительно низка и доля специалистов с высшим образованием в этой группе (что, конечно, связано и с образовательной структурой группы). Зато здесь велики доли квалифицированных и особенно неквалифицированных рабочих (доля последних в 2 раза превышает среднее значение по массиву). Структура в зависимости от типа поселения этой группы заметно смещена в сторону малых городов. Что касается материального благосостояния, то по самооценке респондентов эта группа оказывается самой "бедной": лишь 2% этой группы считают свой месячный доход выше среднего, зато почти 2/3 респондентов в ней помещают свои доходы на отметке ниже среднего. Эта самооценка подтверждается и при отнесении себя респондентами этой группы к различным социальным слоям: лишь 4% респондентов решаются отнести себя к верхнему или верхнему среднему слою, тогда как в среднем по массиву эта доля составляет около 10%. Что касается "объективных" позиций, которые представители этой группы занимают в обществе, то они еще более занижены по сравнению со средним уровнем. Например, агрегированный показатель, определяющий принадлежность к социальному слою, позволяет отнести к верхнему среднему слою менее 2% этой группы, в то время как 42% попадают в нижний слой.

Тем не менее если, забегая вперед, перейти к показателям социального настроения, оказывается, что представители именно этой группы оптимистичны чуть более

Отношение представителей трех групп к проблемам ответственности человека перед государством (обществом) и государства перед человеком (в % к численности каждой группы)

Суждения	Сознание			В среднем
	рациональное	мифологическое	аполитичное	
<i>Россияне выполняют свои обязательства перед государством:</i>				
а) в большей степени, чем оно перед ними	39	49	51	47
б) примерно так же	45	37	32	38
в) в меньшей степени	16	14	17	15
Власть необходима только для поддержания порядка в обществе	73	30	45	44
Граждане должны уважать власть	54	39	40	43
Люди всегда имеют такую власть, какую они заслуживают	28	13	9	16
Интересы власти и простых людей всегда противоречат друг другу	39	29	33	32
Человек несет моральную ответственность за действия своего правительства	13	9	5	9
Каждый россиянин может влиять на происходящее в стране	18	6	3	7
Участие в политической деятельности — долг каждого патриота	61	26	22	34

среднего уровня: 17% считают, что "все не так плохо и жить можно" (при среднем значении по массиву 14%), а доля тех, кто считает, что "терпеть наше бедственное положение уже невозможно" хоть и высока и составляет 37%, но все-таки несколько ниже средней.

Группы носителей рационального и мифологического сознания не обнаруживают настолько сильной зависимости от социально-демографических характеристик: распределение по полу, возрасту и образованию в обоих случаях приближается к среднему. По типу поселений рациональный тип сознания смещается в сторону крупных и средних городов. По социально-профессиональному статусу среди носителей рационального типа политического сознания относительно велика доля респондентов, занимающих руководящие позиции (15% против 7% в среднем по массиву), и в 2 раза занижена доля неквалифицированных рабочих (5% при среднем значении 11%). Распределение самооценок социальной позиции и агрегированный показатель принадлежности к социальному слою приближаются к средним, но самооценки материального положения, в частности месячного дохода, у носителей рационального типа сознания заметно выше средних. Распределение же носителей мифологического типа политического сознания приближается к среднему по массиву и с точки зрения материального благосостояния.

Подводя итоги этого раздела, можно сделать следующие выводы. Во-первых, зависимость различных типов политического сознания от социально-демографических и статусных характеристик неодинакова. Можно сказать, что эти характеристики влияют главным образом на наличие или отсутствие интереса к политическим проблемам и в гораздо меньшей степени — на форму восприятия этих проблем. Во-вторых, можно обозначить тенденцию, согласно которой более высокая социальная позиция связывается с более рациональным восприятием политических проблем и институтов государства и власти. Вероятно, это связано с тем, что у людей с относительно высокими позициями потенциально больше возможностей для активного воздействия на эти институты, и для них участие в политической жизни не совсем лишено смысла. Вместе с тем респонденты, занимающие такие позиции, имеют меньше поводов для эмоционально окрашенного недовольства политической системой и теми, кто у власти, и, соответственно, больше шансов для "рационального" осмысления происходящего.

Соотношение человека и власти. Выделенные типы политического сознания по определению предполагают различные представления о степени активного влияния человека на общество и на власть, как и различное отношение к зависимости человека от общества.

Рассмотрим сначала представления о взаимной ответственности человека и государства. Большинство респондентов (75—83% в каждой группе, причем наибольшее число сторонников такого подхода оказывается среди носителей аполитичного сознания) считают, что прямая обязанность государства состоит в обеспечении экономического благополучия своих граждан. При этом из ответов на все уточняющие вопросы (обеспечивает ли государство надлежащий уровень медицинского обслуживания, прожиточный минимум, социальную поддержку незащищенных групп) очевидно, что оно с этим не справляется.

На этом фоне респондентам последовательно задавались два вопроса: "Насколько в настоящее время граждане России выполняют свои обязательства перед государством?" и "Насколько государство выполняет свои обязательства перед гражданами?" В табл. 2 показано соотношение ответов на эти вопросы для носителей различных типов политического сознания. На их основе можно сделать вывод о том, что респонденты, обладающие рациональным политическим сознанием, в наибольшей степени ощущают себя более или менее равноправными партнерами государства и воспринимают политический процесс как взаимодействие государства и граждан. В этой группе наиболее высок интерес к политической проблематике (более 60% этой группы заявляют о своем интересе к вопросам, касающимся политики — при среднем уровне по массиву немногим более 40%). Доля затрудняющихся ответить на вопросы, относящиеся к этой сфере, здесь наиболее низкая. Та же тенденция к осознанию взаимной ответственности граждан и государства наблюдается у представителей рационального типа сознания во всех высказываниях, приведенных в табл. 2, хотя некоторые из этих высказываний могут соответствовать в высокой степени мифологизированным демократическим представлениям о возможности влияния на государство (несмотря на то что интересы государства и граждан могут противоречить друг другу).

У носителей аполитичного сознания значительная часть группы постоянно выбирает вариант "затрудняюсь ответить" в вопросах, касающихся политики. Скорее всего, причина этого не только в полном отсутствии интереса к политическим проблемам, но и в том, что низкий уровень образования респондентов этой группы делает формулировки этих вопросов непонятными для них, не позволяя перевести проблему на язык, близкий респонденту. И все же из этих высказываний вырисовывается картина беспомощности человека перед институтами власти, когда любые действия этой власти воспринимаются враждебно. На вопрос о том, какие чувства вызывают в них представители власти, значительная часть представителей этой группы отвечает "недоверие" или "подо-

зрение" (38 и 27% соответственно, что приблизительно на 1/3 больше средних по массиву), — и это самые распространенные ответы. Для сравнения можно сказать, что у представителей рационального сознания самыми распространенными чувствами по отношению к представителям власти оказываются "интерес" (26%) и "недоверие" (20%).

Недоверие к власти характеризует и мифологическое сознание, но там наряду с ним на первый план выходят такие характеристики, как чувство скованности (21%) и страх (19%). Интерпретировать такие чувства, как иррациональный страх и приписывание зловещих мифических ролей тем, кто у власти, было бы, конечно, чересчур большой натяжкой, поэтому можно просто отметить этот факт как дополнительный штрих к социальному портрету носителей мифологического типа политического сознания.

Представления о расстановке сил в обществе. Можно предполагать, что носители разных типов политического сознания должны по-разному представлять себе расстановку сил в обществе, тогда какие социальные силы или социальные группы имеют реальное влияние в обществе, а также какие социальные силы и социальные группы должны иметь такое влияние при нормальном (т.е. желательном для России) развитии событий. На самом деле эти представления у всех трех групп достаточно близки между собой и различаются главным образом своей интенсивностью, т.е. тем, какая доля каждой группы высказывает наиболее сильные суждения о влиянии или об отсутствии влияния различных социальных сил. Наиболее влиятельной социальной силой в России, по мнению респондентов всех трех групп, является организованная преступность. Так считают 52% носителей рационального политического сознания, 64% носителей мифологического типа и 60% респондентов с аполитичным сознанием. На втором месте стоят крупные банкиры и финансисты (40, 44 и 41% соответственно); на третьем — чиновники государственного аппарата (31, 37 и 36% соответственно). Носители рационального политического сознания также на третье место помещают и журналистов, и прочих представителей средств массовой информации (31%).

Распределение ответов на вопрос о том, какие социальные силы должны иметь наибольшее влияние в российском обществе, наводит на мысль о том, что элементы мифологического сознания так или иначе присущи всем трем группам: в идеале самой влиятельной социальной силой все называют интеллигенцию (так считают 48% носителей рационального сознания, 61% носителей мифологического и 40% носителей аполитичного сознания). На второе место все респонденты ставят профсоюзы (36, 32 и 29% соответственно), а третье место делят представители средств массовой информации, которым необходимо увеличить свое влияние на общество (37, 34 и 19%), и банкиры и финансисты (27, 16 и 21% соответственно).

В высказываниях о том, какие социальные группы оказались в выигрыше и какие проиграли в результате социальных и экономических перемен, происходивших в 90-е годы, мнения представителей трех анализируемых групп также достаточно близки, и в данном случае можно только заметить, что мнения носителей рационального сознания о проигравших группах и мнения носителей мифологического сознания о выигравших группах выражены наиболее четко. Данные о распределении этих высказываний приведены в табл. 3.

Политические ориентации в рамках типов политического сознания. Последний вопрос, на котором мы остановимся, — это взаимосвязь различных типов политического сознания и политических предпочтений респондентов.

Сразу можно предположить, что прослеживается четкая взаимосвязь между принадлежностью к группе носителей аполитичного сознания и отсутствием каких-либо полити-

Таблица 3

Социальные группы, выигравшие или проигравшие в результате перемен, произошедших с начала 90-х годов по мнению носителей различных типов политического сознания (в % к численности каждого типа)

Социальные группы	Сознание			В среднем
	рациональное	мифологическое	аполитичное	
<i>Проигравшие:</i>				
рабочие	93	91	87	90
служащие	75	73	69	73
ученые	80	73	66	73
шахтеры	96	93	93	94
крестьяне	91	90	87	90
военные	70	65	57	65
<i>Выигравшие:</i>				
предприниматели	82	84	76	81
политики	76	79	73	77
бывшая номенклатура	44	47	50	47
милиция	43	44	43	43

ческих предпочтений. Как видно из данных табл. 4, это действительно так, и 3/4 этой группы не имеют не только партийных, но и политических или идеологических предпочтений. Ситуация, когда большинство респондентов не видят своего места в координатах "право" — "лево", характерна и для других типов сознания, но в менее яркой форме.

Однако оказывается, что можно найти другие параметры, по которым способы политического сознания будут различаться. Они относятся скорее не к политическим взглядам, а к способам и целям политической деятельности, приемлемым для респондентов, имеющих различные типы сознания.

Например, для представителей мифологического сознания наиболее характерна высокая степень одобрения "деятельностных" методов политической активности (забастовочное движение, захват зданий, проведение митингов и демонстраций или хотя бы сбор подписей в пользу или против чего-нибудь). Это, однако, не означает, что респонденты сами с готовностью примут во всем этом участие. Вместе с тем можно предполагать, что проведение подобных акций какими-то политическими движениями произведет на них более сильное впечатление, чем на носителей других типов сознания. Среди привлекательных черт политических деятелей представители этого типа сознания чаще других называют идейную убежденность.

Для рационального сознания характерно сдержанное отношение к такого рода действиям. Отличительной чертой этого типа сознания является наибольшая определенность во всем, что касается путей и способов развития российской экономики и российского общества, наибольшее число определенных ответов на "экономические" вопросы (хотя, надо признать, что эта определенность имеет пессимис-

Таблица 4

Политические ориентации внутри трех типов политического сознания (в % к численности каждого типа)

Политические ориентации	Сознание			В среднем
	рациональное	мифологическое	аполитичное	
Тяготеющие "влево"	9	14	9	12
Тяготеющие к "центру"	30	33	16	29
Тяготеющие "вправо"	6	4	1	4
Не имеющие ориентации	55	49	74	55

тический характер, и большинство респондентов не удовлетворены ни происходящими преобразованиями, ни направлением, в котором движется Россия). Наиболее важной (хотя и нечасто встречающейся) чертой людей, находящихся у власти, им видится профессионализм.

Для носителей аполитичного сознания ситуация выглядит наиболее неопределенной, и доля респондентов, уходящих от ответа о политических предпочтениях, об оценке экономического и политического положения России, здесь в 3—4 раза превышает среднюю. Политическая активность этой группы чаще всего ограничивается чтением газет и разговорами со знакомыми, а уровень социальной реальности, по отношению к которому формируется деятельность представителей этого типа, как правило, ограничивается коллегами по работе или родственниками.

Предложенная классификация может рассматриваться только как первое приближение к решению проблемы эмпирической идентификации различных типов политического сознания. Очевидно, что используя методы вторичного анализа данных едва ли можно надеяться решить эту проблему более аккуратно. Пока же правомерно полагать, что аналитически построенные типы политического сознания имеют эмпирические аналоги в российском обществе (как, вероятно, и в любом другом).

Социальное пространство для представителей различных типов политического сознания имеет различную "контрастность": наиболее ровно оно окрашено для аполитичного сознания и наиболее контрастно — для мифологического. Причем эта контрастность всеми воспринимается как зло, которое необходимо преодолеть. В такой ситуации, несмотря на то что большинство российского населения не имеет определенных политических предпочтений, большие шансы могут получить партии и движения, относящиеся к "левому" крылу и подчеркивающие как глубину социальных различий, так и необходимость их сглаживания.

Для эффективного воздействия на представителей различных типов политического сознания необходимо использовать специфические методы, учитывающие не только "содержание", но и "способ" воздействия. Так, представители различных типов политического сознания по-разному представляют себе эффективные и социально одобряемые способы политической деятельности, и при выработке стратегии воздействия необходимо учитывать эти различия как фактор, способный мобилизовать нужную группу населения.

Леонид СЕДОВ

Ю. Лужков и Е. Примаков: союзники или соперники?

Экономический кризис, начавшийся в августе 1998 г., повлек за собой серьезные перемены в расстановке сил на властных вершинах. Политическая ситуация отмечена окончательным падением, почти до нулевой отметки, авторитета Б.Ельцина и выходом на передний план политиков, до этого пребывавших во втором эшелоне (Ю.Лужков) или вовсе вне поля зрения широкой общественности (Е.Примаков). Об этом красноречиво свидетельствуют данные табл. 1, в которой сведены рейтинги доверия ведущих политических деятелей за 1998 г. и начало 1999 г.

Следует заметить, что доверие, оказываемое обществом Е.Примакову, если и не беспрецедентно по своей величине, то, во всяком случае, достаточно значительно, чтобы обратить на себя внимание и потребовать тщательного анализа. До сего времени подобный взлет доверия отмечался лишь в отношении А.Лебеда в сентябре 1996 г., когда он достиг рекордных (если не считать Б.Ельцина в начале его президентской карьеры) 40%, и Б.Немцова, по-

лучившего в мае 1997 г., после назначения его первым вице-премьером, 25% упоминаний. Заметим, что рейтинг остальных политиков, в те или иные времена возглавлявших рейтинговый список, никогда не поднимался выше 20%. Так, в сентябре 1993 г. таким политиком был А.Руцкой, получивший 19% и на 6 пунктов опередивший Б.Ельцина. (В июне того же года у А.Руцкого было 22%, однако тогда Б.Ельцин еще был впереди, имея 26%.) В феврале 1994 г. и январе 1996 г. лидировал Г.Явлинский, имевший 18%. "Звездный час" Г.Зюганова пришелся на предвыборный март 1996 г., когда он, имея 20%, на 3 пункта обошел А.Лебеда и Г.Явлинского (20% достиг он и в ноябре 1998 г., но на этот раз уступив 4 пункта Е.Примакову).

О чем свидетельствует эта краткая история рейтингов? Ну, прежде всего о том, что самые высокие показатели доверия выпадают (если не считать Г.Зюганова) на долю тех политиков, которые как бы внезапно оказываются близ вершины исполнительной власти, всякий раз порождая в обществе надежды на обновление курса (причем направление изменений может быть прямо противоположным, как в случае Б.Немцова и Е.Примакова). Тут, пожалуй, находит подтверждение аксиома, сформулированная В.Третьяковым: "В настоящее время президентом России может быть избран только тот политик, который какой-то значимый период своей карьеры работал в системе исполнительной власти". Содержится здесь и предупреждение Е.Примакову. Уверенно набирая доверие после своего назначения и вплоть до января 1999 г., он рискует потерять его не только в случае смещения с поста премьера, но и, как это случилось с Б.Немцовым, в случае каких-то затрагивающих его разборы и разоблачений в верхних эшелонах власти или, что весьма вероятно, резкого ухудшения экономических условий.

В немалой степени судьба будущего президентства и самих главных сегодняшних претендентов на этот пост (основно мы относим к ним и Е.Примакова, ибо таковым он является в глазах значимых сегментов общественного мнения) зависит от характера взаимоотношений между ними, и в первую очередь между Е.Примаковым и Ю.Лужковым, которые вместе с Г.Зюгановым на сегодняшний день сосредоточивают вокруг себя 1/2 активных избирателей (это 35% всего взрослого населения) и имеют при этом электораты, во многом очень близкие между собой. Строго говоря, между Ю.Лужковым и Е.Примаковым возможны три типа взаимодействия — соперничество, лояльное сотрудничество и объединение. Какой из них будет избран, зависит от множества факторов, вплоть до личностных. Только одним из этих факторов является фактор общественной поддержки, но он единственный, о котором мы располагаем объективными данными и можем высказать обоснованные суждения.

Анализ результатов опросов указывает на значительную общность базы поддержки Е.Примакова и Ю.Лужкова. Большое число людей, около 12% населения, доверяют одновременно и тому, и другому, и такого обширного общего контингента сторонников нет ни у какой другой пары политиков. Помимо этого, у Ю.Лужкова имеется еще 9% (от численности взрослого населения) доверяющих ему одному или в сочетании с другими политиками, но не с Е.Примаковым. У Е.Примакова таких сторонников, отдельных от Ю.Лужкова, 17%. Суммарный объем доверия, которым располагают Е.Примаков и Ю.Лужков, составляет, таким образом, 38% взрослого населения.

Рассматривая приведенные цифры, необходимо вместе с тем четко представлять себе, что объем доверия не есть нечто тождественное объему электоральной поддержки. На сегодняшний день число голосов, получаемое

*Независимая газета. 1999. 13 февр.